

Litera

Правильная ссылка на статью:

Меркулов Г.В. Фонетические особенности старорумынского языка XVI-XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620) // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.76039 EDN: XBPSMG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76039

Фонетические особенности старорумынского языка XVI-XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)

Меркулов Глеб Васильевич

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1 стр. 51

✉ glebmerkulov@mail.ru

[Статья из рубрики "Фонетика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.76039

EDN:

XBPSMG

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2025

Дата публикации:

29-09-2025

Аннотация: Данная статья посвящена описанию фонетических особенностей румынского языка XVI-XVII вв. на примере манускрипта Codex Neagoeanus. Предметом исследования является комплексный фонетический анализ рукописного памятника «Codex Neagoeanus» (ms. rom. 3821, Библиотека Румынской Академии), датированного началом XVII века (1620 г.). Данный кодекс представляет собой характерный для румынской культуры XVI-XVII вв. сборник религиозных и народных текстов (săptămânar), включающий переводы народного романа, дидактического трактата, краткой версии номоканона и произведения астрологической литературы. Исследование сосредоточено на системном описании и классификации архаичных и вариативных фонетических черт румынского языка, зафиксированных в текстах кодекса в сравнении как с современной нормой, так и с феноменами XVI-XVII вв. Основным методом

исследования стал комплексный фонетический анализ, направленный на выявление и классификацию характерных архаичных и инновационных элементов в фонетической системе памятника письменности. Также используются методы палеографического анализа. Научная новизна исследования заключается в проведении первого детального и системного лингвистического анализа именно Codex Neagoeanus, который вводит в научный оборот новый фактический материал. В ходе исследования было выявлено, что в фонетической системе рассматриваемого манускрипта наиболее нестабильной является система безударного и ударного вокализма. Особенно это справедливо для [e], [u] и [o], так как именно с этими звуками зарегистрировано наибольшее количество отклонений от нормы: например, из пяти зарегистрированных нами случаев ассимиляции, четыре так или иначе связаны с переходами из / в [e] и [u]. Кроме того, наиболее частотные фонетические феномены также связаны с данными гласными: например, нестабильность дифтонга [oa], его взаимзаменяемость гласной [o] сохраняется на протяжении всего манускрипта. Однако главной особенностью вокализма в текстах CN следует считать смешение языковых особенностей как северных, так и южных регионов. Например, типично северная особенность – сохранение безударного [a] – сосуществует в манускрипте с особенностью южных регионов – нестабильностью дифтонга [oa]. Феномены, относящиеся к системе консонантизма, носят скорее окказиональный характер.

Ключевые слова:

старорумынский язык, румынистика, Codex Neagoeanus, румынская кириллическая письменность, румынская фонетика, манускрипт, народные книги, палеография, диахронический анализ, языковая вариативность

Введение

Основной корпус дошедших до нашего времени румынских текстов XVI–XVII столетий состоит преимущественно из переводов религиозных книг, апокрифических произведений, а также ряда народных сказок и романов. В научной литературе подобные сочинения идентифицируются как «народные» или «популярные книги» (*scribi populare*). Как отмечают исследователи, их широкое распространение было обусловлено существовавшим в ту эпоху неудовлетворенным культурно-религиозным запросом со стороны широких слоев населения [\[1, с. 42\]](#).

Вполне очевидно, что отдельные рукописные сборники (кодексы) включают тексты, созданные значительно раньше, чем сам манускрипт [\[Ibid, с. 44\]](#). В качестве примеров таких кодексов можно привести: Кодекс Стурдзана (датируется 1580–1620 гг., переписан в Махачени) [\[2, с. 43\]](#), Воронежские Кодексы Марциана (XVI в., Буковина) [\[3, с. 41–50.\]](#), а также Кодекс из Йеуда (первая четверть XVI в.) [\[4, с. 98\]](#).

Среди этого обширного массива памятников письменности значительный интерес представляет манускрипт, известный под названием Codex Neagoeanus. Данный рукописный памятник хранится в Библиотеке Румынской Академии под шифром ms. rom. 3821 и оцифрован для открытого доступа на портале Aleph.

Материалы и методы

Объем кодекса составляет 382 страницы, при этом первые 26 листов имеют наиболее

серьезные повреждения. Характер повреждений — механический, в верхней центральной части страниц присутствуют вырванные фрагменты клиновидной формы. На некоторых страницах (98, 128, 221, 229) зафиксированы надрывы краев с незначительной утратой текстового поля. Полностью утраченных листов в кодексе не выявлено.

Текст манускрипта, как и большинство румынских памятников этого периода, выполнен кириллицей. С точки зрения палеографического анализа тип письма может быть определен как полуустав, содержащий элементы скорописи [\[5, с. 21\]](#).

Первичный анализ позволяет предположить, что данный манускрипт обладает фонетическими чертами сразу нескольких диалектных зон, что объясняется, во-первых, местом его создания — на границе ареалов говоров (Хунедоара, село Сымпетру) [\[6, с. 545–560\]](#), а во-вторых, вероятным происхождением четырех текстов кодекса из разных источников, переведенных разными лицами, но сведенных одним переписчиком.

Свое название манускрипт получил по имени первого известного владельца — Штефана Нягоя, румынского писателя и педагога XIX века [\[7, с. 2\]](#). Также существует альтернативное, описательное название — «*Misceleanu religios și de cărți populare*» («Сборник религиозных и народных книг»), которое используется исключительно на ресурсе *Medievalia* и в онлайн-каталоге *Aleph* [\[8\]](#). В академической литературе это название не применяется.

Результаты

Прежде чем перейти к анализу конкретных языковых явлений, представляется необходимым описать принятую в настоящем исследовании систему подачи иллюстративного материала. Каждое выявленное явление сопровождается примерами, которые оформляются по следующей схеме:

пример (= «перевод»; X, Y, Z...), где **X**, **Y**, **Z**... обозначают номера страниц рукописи *Codex Neagoeanus*, на которых зафиксирован соответствующий пример.

Ударный вокализм:

1. [ə], произошедший от ударного [a], после [i] оформляется как [e] / [ie]: *tă(i)e* (ср. *tăia*, 108) и *junghe* («резать/убивать», 75, 89, 105, 141, 180, 189, 271). Если же ударный [a] находится перед [n] (как, например, в латинском «*anima*»), то в некоторых случаях он преобразуется в [i]: *inima* («душа», 118, 144, 175, 178, 186, 191, 232). Такая же словоформа обнаружена и в манускриптах, написанных в Валахии [\[9, с. 452\]](#).

2. Латинский [e] в таких словах, как «*meu*», в манускрипте превращается в [ie]: *mieu* («мой», 60, 118, 120, 122, 139, 150, 215), однако встречаются и слова без подобных изменений: *perită* («погибший», 1), *tuere* («женщина», 3, 27, 28, 29, 30...).

После «z» он превращается в [ə], наиболее наглядно это отражено в словоформах *Dumnezău* («Бог», 13, 25, 27), *Dumnezăul* (73), *Dumnezăi* (31, 51, 52), *Dumnezăilor* (73). Тем не менее, встречается и форма *Dumnezeu* (67).

После согласного [r] в начале слога, [e] преимущественно сохраняется: *reu* («плохой», 56, 172, 179, 182, 183), *înderet* («сзади», 65), при этом находим *îndărăt* (36, 65, 74). Стоит обратить внимание, что варианты могут находиться на одной странице манускрипта.

Перед «ț» ([ts]) он может как сохраняться (*țerile*, «страны», 58), так и трансформироваться в [ə] (*țări* 121; *țările* 138, 149; *țărilelor* 75). Второй вариант более широко распространен.

Перед [a] и [e] имеет три варианта транскрипции: 1. «i+йако»: *pîiatră* («камень», 1, 2, 39, 41, 42, 47), *apropiîară* («приблизился», 86), *Olimbiîada* («Олимпиада», 53), *vîiață* («жизнь», 32, 53, 84), *Dîiavolul* («Дьявол», 162, 262), *dîiacona* («дьякон», 263); 2. «ie»: *piele* («кожа», 46), *pieile* («кожи», 48), *pierde* («терять», 181, 182, 186); 3. Стяжение в [e]: *muere* («женщина», 3, 168, 169), *mueri* («женщины», 28, 29, 279), *muerile* («женщины», 80, 84, 251).

После «ș» ([s]) оформлен как [e] в слове *șerpe* («змея», 92), *șerpi* (98), *șerpiloră* (99), но встречаются и варианты: *șarpe* (18), *șarpele* (18).

Перед носовыми согласными может трансформироваться в [ə]: *avăm* («имеем», 14), *păntru* («для», 45, 46, 58, 71, 119), но встречается и *avem* (10, 82). Переход [e] > [ə] перед и после носовых вполне нормативен для XVI в. и регистрируется в нескольких письменных источниках эпохи [Ibid., с. 446].

[e], стоящий в слоге перед [a] / [ə], дифтонгизируется, образуя «ia»: *diacă* («если», 59, 118, 141, 165), но обнаружена и современная форма, с уже «стянутым» дифтонгом: *dacă* / *daca* (26, 43, 45, 89, 91 и т. д.), равно как и форма без дифтонга: *deca* (2, 4, 13, 24, 27, 29 и т. д.). Третья форма превалирует.

Находясь в слоге перед [e], не изменяется: *merse* («пришел», 3, 7, 8, 15, 16 и т. д.), *beserecă* («церковь», 43, 158, 169, 268, 271, 272), *cere* («просить», 139), *dederă* («дали», 3, 15, 43), *dede* («дает», 24, 25, 47), *peștele* («рыба», 38), *peștere* («пещера», 38).

Дифтонг «ea» после сочетания «șt» стягивается в [a]: *aștaptă* («ждет», 35, 135, 141, 167). Кроме того, он также нейтрализуется в [a] в слоге перед [a] или [ə] и после согласных [m], [s], [tɕ], [dʒ]: *să marga* («идти», 2, 36, 37, 157, 270, 271, 273, 277), *sară* («вечер», 92, 167, 172, 279), *ačasta* («этот», 24, 59, 60, 70), *seğata* («стрела», 42), *săğata* («стрела», 77), *čara* («воск», 56, 193), *čapă* («лук», 111). Монофтонгизация в указанных контекстах отслеживается в многих текстах XVI—XVII вв. во всех регионах, в особенности в Молдове [Ibid., с. 463]. В конце слова данный дифтонг нередко нейтрализуется: *ave* («имел», 4, 15, 42, 89), *va vede* («увидит», 197), *să de* («давать», 176, 219), *căde* («падал», 262). Стяжение дифтонга в [e] на конце слова зарегистрировано в румынских текстах XVI—XVII вв. в следующих регионах: Марамуреш, Северный Ардьял, Молдова, Банат и Буковина [Ibid., с. 461-462].

3. [i] после [r] сохраняется (т. е. не переходит в [i]) в словах *urită* («урод», 57, 206), *pări* («винить», 133), *Rîmul* («Рим», 152, 189, 239), *să omori* («уморить», 147, 195), *mohorite* («бордовые/темные», 20, 34).

4. Дифтонг «oa», распространенный в современном румынском, в CN все еще представлен преимущественно гласным [o], т. е. на момент написания данный ударный гласный еще не «разложился» в дифтонг, чему есть множество примеров: *frumose* («красивый», 20, 33, 40, 42 и т. д.), *oste* («войско», 3, 15, 35, 42, 65 и т. д.), *omeni* («люди», 1, 3, 4, 5, 8 и т. д.), *tote* («все», 18, 21, 33, 45 и т. д.), *totă* («весь», 9, 11, 16, 22 и т. д.), *morte* («смерть», 6, 43, 45, 72 и т. д.), *pičore* («ноги», 15, 18, 21, 23 и т. д.), *pičorele* (122, 146), *scote* («снимает», 78, 142), *scoseră* («снял», 74, 78, 146), *ose* («кости», 39), *osele* («кости», 133), *sănătos(ă)* («здоровый», 102, 116, 119, 145), *sorele*

(«солнце», 41, 49, 77, 103 и т. д.). Также в словах-заимствованиях: *golă* («голая», 20, 109), *glotă* («толпа», 91), *războe* («война», 11, 43, 51), *comoră* («клад/сокровище», 125)

Стоит отметить, что несколько раз встречаются и дифтонгизированные варианты данных слов: *frumoașe* (156, 182, 211, 221 и т. д.), *oaște* (1), *oameni* (1, 94, 175), *toate* (5, 27, 47, 76 и т. д.), *toată* (2, 46, 139, 152, 163), *moarte* (119, 135, 139, 177, 180, 203, 204 и т. д.), *pițoare(le)* (210, 243, 245, 275, 278), *scoate* (176, 181, 189, 192), *scoasera* (3, 40, 75, 78 и т. д.), *oașe* (235), *sănătoasă* (249), *soarele* (77, 150, 200, 212, 229, 247, 258 и т. д.). Также в словах-заимствованиях: *gloată* (275), *războaele* (123). Можно заметить, что некоторые случаи дифтонгизации преобладают в более поздней части текста, в то время как некоторые просто сменяют друг друга без какой-либо системы. В целом, данный фонетический феномен был распространен в румынских текстах эпохи, в особенности в Молдове, Банате, южном Ардьяле и в Валахии [Ibid., с. 465-466].

В некоторых случаях на месте [o] мы можем обнаружить [u]: *lucure* («места», 5), *sulu* («гоним», 72).

5. В то же время ударный [u] может быть заменен [o]: *comă* («с», 146), *foră* («были», 38).

Безударный вокализм:

1. В некоторых словах мы видим безударный [a], еще не трансформировавшийся в [ə]: *noa* (5, 23, 82), *voa* (57, 253, 272), *calare* («всадник», 129), *calarași* («кавалерист», 47, 56, 60), *lacrămil(e)* («слезы», 118, 149), *tuma-sa* («его/ее мама», 90, 95, 117). Данный фонетический феномен был распространен преимущественно в северных регионах (Марамуреш, Северный Ардьял, части Молдовы) [Ibid., с. 449]. При этом, хоть и довольно редко, встречаются и формы с «ă»: *călăre* (2), *călărași* (67). В тех словах, где эта трансформация уже произошла, после согласного [t̪s̪], [ə] продолжает изменяться в [e]: *mulțemesu* («благодарю», 102, 115), *mulțemi* («он/она поблагодарил/-а», 86).

[ə] в окончании сохраняется в предлоге *cătră* («перед», 4, 14, 32, 111 и т. д.), после согласного [ʃ] трансформируется в [e]: *ușe* («дверь», 189, 190).

Также он сохраняется в словах *păharele* («стаканы», 103), *păhar* («стакан», 120, 139), *nărocul* («судьба», 57).

2. [e] сохраняется в *gemet* («рев, крик», 99), *beu* («он/она выпил/-а», 15, 140), но встречаются и формы с «ă»: *bău* (140), *băuiu* (140), *am băut* (147). Второй вариант имеет большее распространение в XVI—XVII вв [Ibid., с. 446].

[e] в возвратном местоимении «se» в большинстве случаев уже трансформировался в [ə]: *să gătasă* («готовить», 2, 128), *să intoarcă* («возвращается», 2), *să odihniască* («отдыхает», 2, 19), *să ducă* («вести», 29, 56). Более старая форма «se» также встречается, но реже: *se odihniască* («отдыхает», 8), *se sărută* («целуется (как форма приветствия)», 145). На протяжении всего XVI в. нормативной считалась именно форма «se» [Ibid., с. 446], примеры из CN, таким образом, демонстрируют прогрессивность переписчика/переводчика.

Обнаружены случаи перехода безударного [e] в другие гласные звуки. Например, переход [e] > [ə] после [s] в форме конъюнктива 3 лица единственного числа: *să duseă* («ведет», 9, 218, 228), при этом гораздо чаще встречаются формы с [e] (особенно это видно в 3 л. мн.ч простого перфекта): *duseră* («привели», 45, 63, 135), *uciseră* («убили», 1), *aduseră* («принесли», 3), *prinseră* («схватили», 4), *ziseră* («сказали», 6) и многие

другие. Кроме того, в CN есть несколько словоформ, где произошел переход в [i]: *galbine* («желтые», 21, 34), *galbini* («золотые (монеты)», 66, 189, 190), *amă vinită* («я пришел», 11), *au vinitu* («они пришли», 215), *vinit-au* («они пришли», 25); но обнаружены и формы без перехода: *venit* (10, 36, 52, 70 и т. д.), *galbeni(i)* (79, 124). Эта особенность («е» безударный > «i») также встречается в других манускриптах эпохи [Ibid., с. 446].

3. Безударный [i] начинает переход в [e] в таких словах как *menunate* («замечательный», 21, 36, 55). Формы с [i] также встречаются: *minunate* (77), *minunat* (131).

В конце слова у безударного [i] были обнаружены следующие особенности: 1. Сохраняется без изменений при использовании графемы «и»: *omeni* («люди», 8), *sămteți* («вы есть», 5), *raci* («раки», 16), *dulci* («сладкие», 20), *veri* («пришел», 22); 2. Превращается в **полугласный** / **ă** при использовании графемы «ь»: *să mă tremeți* («отправить мне», 81), *să mă spui* («сказать мне», 31), *să mă iertați* («простить меня», 53); 3. **Не отмечается** на письме вовсе / **исчезает**: *ne vez* («ты видишь нас», 10), *ver veni* («ты придешь», 13), *ver fi* («ты будешь», 98).

4. Безударный [u] в некоторых случаях отмечается на письме с помощью графемы [o]: *potem* («можем», 13), *fromos* («красивый», 33), *Domnezău* («Бог», 51), *domnevoastră* (форма вежливого обращения, 253). В целом, взаимозаменяемость [u] и [o] была распространена на всей территории современной Румынии и Молдовы [Ibid., с. 448], о чем также может свидетельствовать и факт обнаружения обратной ситуации, указанный выше (см. п. 5 Ударного вокализма).

Касаемо безударного [u] на конце слова, следует отметить следующее: 1. Может сохраняться и отмечаться при этом на письме с помощью графем «ly» и «□»: *anu* («год», 11), *elu* («он», 4, 18, 22, 73), *cumu* («с», 6, 10, 28, 42 и т. д.), *căndu* («когда», 25, 119, 131, 255 и т. д.); 2. Может переходить в полугласный и графически выражаться с помощью «ь»: *lăcuiescu* («живу/обитаю», 28), *cămpŭ* («лагерь», 32), *căndŭ* («когда», 67, 87, 168, 245 и т. д.).

Что касается **ассимиляции**, в CN нами были обнаружены следующие случаи:

1. **Ă-ă > а-а**: *calaraș* («всадник», 47), *calarași* («всадники», 56, 70, 94), однако есть и неассимилированная форма *călărași* (67).

2. **Ă-е > е-е**: *beserecă* («церковь», 43, 158, 268, 271), *nestemat(e/ă)* («драгоценный/е/ая», 46, 103, 110, 117) *tremeți* («посылаешь», 50, 61, 81, 121 и т. д.), *segeți* («стрелы», 42, 82), *segețile* («стрелы», 42), *să lepez* (здесь – «брось!», 138). При этом, очевидно, встречаются и следующие формы: *năstemată* (41, 47), *seğata* (42), *săğata* (77). Данная ассимиляция так или иначе встречается во всех регионах, в особенности на севере [Ibid., с. 450].

3. **Е-ă > ă-ă**: *îndărăt(ŭ)* («назад», 36, 65, 74), но при этом находим – *înderăt* (63) и даже *înderet* (65).

4. **Е-і > і-і**: *fičori* («мальчики», 26, 89, 136, 269 и т. д.), *fičorii* («мальчики», 13, 91, 93, 259 и т. д.), *inima* («душа», 118, 175, 191, 201 и т. д.), *nimic(ă)* («ничто», 106, 130, 209, 223), *nici* («никакой», 9, 10, 12, 27 и т. д.). В то же время находим: *fečorii* (93, 105, 106, 111 и т. д.), *peci* (27, 170, 179, 183 и т. д.), *nemic(ă/а)* (10, 14, 118, 222). Такая нестабильность, причем в тех же лексемах, регистрировалась преимущественно на территории Ардьяла и Баната [Ibid., с. 447].

5. U-ă > u-u: *curundu* («скоро», 135, 141).

Также в CN был обнаружен следующий случай **диссимилиации**:

1. E-e > e-i: *nice* («никакой», 31, 46, 48, 50 и т. д.), *direptul* («прямо/напрямую», 201, 234), *niște* («несколько», 282), *trimese* («он отправил», 52, 124, 180, 191), *trimeți* («ты отправляешь», 53, 60, 119). Естественно, встречаются случаи и без диссимилиации: *dereptu* (105), *nește* (9, 20, 21, 37 и т. д.), *tremete* (95). В случае с данным фонетическим феноменом, CN демонстрирует вполне логичное развитие (переход от ассимилированных форм к диссимилированным), т. к. для XVI в. использовались преимущественно формы типа *tremeți* и *necese* [Ibid., с. 450].

Стоит отметить и несколько случаев **афerezы**, обнаруженных в манускрипте:

1. Афере́за [î]: *naltă* («высокий», 17, 19, 20, 21 и т. д.), *nainte* («перед», 9, 14, 20, 28 и т. д.), *napoi* («напротив», 37, 41, 85, 101). Встречаются и формы без афerezы: *înalt* (1), *înapoi* (2, 35), *înainte* (36, 62, 179, 217, 239).

2. Афере́за [îm] в глаголе «îmbila» в форме императива: *blăm* («ступай!/иди!», 96, 217, 233).

3. Афере́за [a] в глаголе *gonisescu* (здесь – «добываю/зарабатываю», 82), ср. совр. «agonisesc».

Афerezы, указанные в пп. 1–2, регистрируются практически во всех текстах эпохи [Ibid., с. 451]. Во всех регионах афере́за [î] возникает перед носовыми согласными. При этом CN выделяется на общем фоне, сохраняя [î] перед носовыми в некоторых словах, в то время как в других письменных источниках она исчезает: *împărat*, *învățătură*, *începutul*.

Синкопа [o] обнаружена в *aclo* (=acolo, «там», 55), однако, учитывая тот факт, что это единственный случай, вполне вероятно, что это не что иное, как ошибка переписчика.

Консонантизм.

1. Губные (p, b, f, v, m) перед [i] и [ie] не изменяются и не палатализируются: *piiatră* («камень», 1, 2, 39, 41 и т. д.), *bine* («хороший/хорошо», 8, 24, 57, 102 и т. д.), *fier* («железо», 17, 46), *vin* («вино», 140, 169, 223, 276). Данный фонетический феномен чаще всего регистрируется в текстах из Валахии и южного Ардьяла, в то время как в подавляющем большинстве текстов из северных регионов мы находим изменения в губных согласных в данной позиции. Например, «*va hi*» вместо «*va fi*» в Буковине, Молдове и в Марамуреше.

2. [n] перед [i] с зиянием сохраняется в *măngăni* («ласкать», 142), *să-m spunî* («скажи мне», 100), *să vini* («приходить», 99), но есть и варианты без [n]: *măngăi* (44), *spui* (31).

3. [z] (на письме выражается графемой ж) сохраняется, за исключением случаев, когда его заменяет [dz], (на письме выражается графемой џ): *g̃os* («вниз», 75, 92), *g̃udeț* («суд», 100), *g̃udecătorului* («судый», 123). Разумеется, обнаружены и формы с сохранением «j»: *jos* (54, 113, 147), *județ* (32, 100). Стоит отметить, что варианты *g̃udeț-județ* находятся на одной странице, на соседних строчках.

4. Наконец, стоит отметить, что текст CN практически не был подвержен ротацизму, то есть спонтанному переходу [n] > [r], возникшему в XVI в., преимущественно в северных регионах [Ibid., с. 474-475]. Единственным исключением следует считать

ротацизированную форму глагола «а veni», зарегистрированную в CN восемнадцать раз: *veri* («ты идешь», 10, 22, 30, 35 и т. д.).

Касаемо **групп согласных** мы обнаруживаем следующие тенденции:

1. **[nt]** > **[mt]**: *sămtă* («я есть», 19, 26, 31, 46 и т. д.). Данный фонетический феномен можно обнаружить во всех регионах [Ibid., с. 482];
2. **[ns]** > **[ms]**: *frămsără* («разрубили / разломали на две части», 74);
3. **[sf]** > **[sv]**: *svânt* («святой», 35), *svinte* («святые», 158), *svinților* («святых/святым», 155), *nesv(ă)rșită* («бесконечный», 145). Конкретно этот случай, очевидно, произошел под влиянием славянских языков.
4. **[n] + согл.** > **согл.** На первый взгляд может показаться, что конкретно этот случай можно объяснить ошибками переписчика, однако тот факт, что подавляющее большинство этих «ошибок», возникают как раз в случаях типа «**n+согл.**» и в имени «Alexandru», заставляет нас рассматривать эти «ошибки» как часть языкового процесса, а не какую-то особенность написания Иона Влаха: *naite* (=înainte, «перед», 94, 98, 128, 147), *plăge* (=plânge, «плакать», 69), *ude* (=unde, «где», 226), *ajuseră* (=ajunseră, «прибыли», 6), *prisseră* (=prinseră, «взяли», 43), *păritele* (=părintele, «родители», 116).

Диссимиляция [r] была обнаружена в *prespe* (16, 36, 42, 51...), но есть и случаи использования формы без нее: *prespre* (8, 14, 60).

В случае с глаголом «împotrivi» («противостоять») мы наблюдаем еще не произошедшую **метатезу [r]**: *să protivește* (201, 224), *te protivești* (52), *protivi* (52).

Также обнаружен случай **синкопы [r]** в слове *drept*: *deptă* («закон», 96, 259).

Итак, мы можем увидеть, что в рамках рассматриваемого нами манускрипта наиболее нестабильной является система безударного и ударного вокализма. Особенно это справедливо для **[e]**, **[u]** и **[o]**, так как именно с этими звуками зарегистрировано наибольшее количество отклонений от нормы: например, из пяти зарегистрированных нами случаев ассимиляции, четыре так или иначе связаны с переходами из / в **[e]** и **[u]**. Кроме того, наиболее частотные фонетические феномены также связаны с данными гласными: например, нестабильность дифтонга [oa], его взаимзаменяемость гласной [o] сохраняется на протяжении всего манускрипта.

Однако главной особенностью вокализма в текстах CN мы все же считаем смешение языковых особенностей как северных, так и южных регионов. Например, типично северная особенность – сохранение безударного **[a]** – сосуществует в манускрипте с особенностью южных регионов – нестабильностью дифтонга [oa]. При этом практически не зарегистрированы палатализация губных перед **[i]** / **[ie]** и ротацизм (фонетические особенности северных регионов).

Касаемо консонантизма, следует отметить *окказиональный* характер большинства обнаруженных нами особенностей, то есть большинство случаев зарегистрировано лишь в отдельных лексемах и не представляют собой какую-то систему.

Библиография

1. Grosu M. Istoria Literaturii Române (Epoca veche și școala ardeleană). București: Litografia și Tipografia Învățămintului, 1958.
2. Chivu G. Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu linvistic, editie de text si indice de

cuvinte. București: Editură Academiei Române, 1993.

3. Mareș A. Datarea Codicelui Voronețean // Limbă Română. 1982. Vol. 31, № 1. c. 41-50.

4. Teodorescu M., Gheție I. Manuscrisul de la Ieud. București: Editura Academiei RSR, 1977.

5. Чекунова А. Е. Русское кириллическое письмо XI-XVIII вв. Учебное пособие. М., 2010.

6. Ghetie I. Unde s-au tradus si unde s-au copiat textele din Codex Neagoeanus // Limba Română. 1973. Vol. 22. № 6. P. 545-560.

7. Ionascu A. "Alexăndria", or the first instance of monsters in romanian culture // Journal of Romanian Literary Studies. 2019. № 17. P. 939-944.

8. Онлайн-каталог BAR "Aleph", "ms.rom. 3821". URL:

http://aleph23.biblacad.ro:8991/F/A68JRYCBMHLQN75KVHM3L9E2A7GT9GL8QF7LGUHTSL9ILYRVBK-01204?func=full-set-set&set_number=013858&set_entry=000006&format=999

9. Rosetti A. Istoria Limbii Române. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Фонетические особенности старорумынского языка XVI–XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)»

Автор посвящает статью анализу фонетических особенностей старорумынского языка XVI–XVII вв. на материале Codex Neagoeanus. Выбор именно этого корпуса рукописей обоснован его уникальным положением среди письменных памятников: тексты кодекса происходят из разных источников и отражают многообразие диалектных черт. Исследование затрагивает ключевые аспекты исторической фонетики румынского языка, уделяя внимание как вокализму, так и консонантизму, а также явлениям ассимиляции, диссимиляции, афрезы и синкопы. Предмет исследования определен четко и имеет несомненное значение для исторической романистики.

Методологическая база статьи включает:

1. Палеографический анализ — уточнение типа письма (полуустав с элементами скорописи).
2. Фонетический анализ — систематическая фиксация вариантов ударных и безударных гласных, согласных и их алломорфии.
3. Сравнительно-исторический метод — сопоставление данных Codex Neagoeanus с другими памятниками (Codex Sturdzanus, Codex Voronețeanus, рукописи из Йеуды и др.).
4. Диалектологический подход — выявление взаимодействия северных и южных черт румынских говоров.

Методика исследования отличается тщательностью и строгостью, примеры систематизированы и сопровождаются ссылками на страницы рукописи, что придает работе высокую степень научной достоверности.

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью Codex Neagoeanus в современном языкознании. Автор справедливо отмечает, что данный памятник отражает смешение региональных диалектных черт, что позволяет проследить динамику становления литературного языка и фонетических норм. В условиях возросшего интереса к корпусным исследованиям и к истории восточнороманских языков подобные работы востребованы и могут служить источником для дальнейших междисциплинарных исследований.

Научная новизна статьи заключается в:

- детальном описании нестабильности вокализма (особенно в отношении гласных [e], [u], [o]);

- выявлении сосуществования северных и южных фонетических признаков в одном памятнике;
- фиксации окказиональных явлений консонантизма (сохранение или выпадение звуков, отсутствие ротацизма, специфические формы ассимиляции и диссимиляции);
- систематизации фонетических особенностей Codex Neagoeanus с учетом сравнительного материала.

Тем самым автор вносит весомый вклад в разработку исторической фонетики румынского языка и уточняет картину диалектного взаимодействия XVI–XVII вв.

Статья написана академическим стилем, отличается четкой структурой: введение, характеристика памятника, методологическая база, анализ вокализма и консонантизма, заключительные наблюдения. Иллюстративный материал приведен последовательно, примеры снабжены переводами и ссылками на страницы рукописи. Однако можно отметить перегруженность текста деталями: обилие примеров иногда затрудняет восприятие общей картины. Было бы целесообразно дополнить статью итоговыми таблицами или схемами для наглядного представления результатов.

Список литературы включает как классические исследования (Rosetti, Ghetie, Mareş и др.), так и современные работы (Ionascu, 2019). Источники разнообразны и охватывают как румынскую, так и русскую научную традицию. Вместе с тем библиографический список выглядит ограниченным: явно не хватает более новых публикаций (после 2019 г.), особенно зарубежных исследований по истории восточнороманских языков. Это несколько снижает понимание о степени разработанности проблемы.

Автор учитывает позиции исследователей, ссылается на общепринятые интерпретации (например, о региональном распространении фонетических явлений), однако прямая полемика с оппонентами почти отсутствует. В тексте отмечены лишь отдельные расхождения в трактовках (например, объяснение «ошибок» переписчика как системных явлений), но полноценная дискуссия с альтернативными подходами не развита.

Работа представляет интерес для специалистов в области романской филологии, исторической фонетики, палеографии и сравнительно-исторического языкознания. Она может быть полезна также исследователям славянско-романских языковых контактов. Основной вклад статьи — уточнение диалектной картины румынского языка XVI–XVII вв. на материале одного из значимых памятников.

Рецензируемая статья в целом соответствует требованиям научного издания: она обладает актуальностью, новизной и методологической обоснованностью, и может быть рекомендована к публикации без критических замечаний.